

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.1>

Арзамазов Алексей Андреевич

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ ИНМАР В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается место мифологического персонажа Инмар в творчестве современных удмуртских поэтов, олицетворяющих этнофутуристическое течение. Устанавливаются основные смысловые контексты художественной актуализации символа, определяется степень его семантической сопряженности с традиционной культурой удмуртского народа, христианским мировоззрением. Выявляется, что образ Инмара, отличающийся высокой частотой стихотворного употребления, сопряжен с коллективным освоением новой постсоветской конфессиональной действительности, привлекается в контексте концептуального поэтического осмысления, описания эпохи 1990-х, фигурирует как компонент эмотивного высказывания лирического субъекта. Инмар нередко в структуре произведения взаимодействует с другими ключевыми субъектами удмуртского мифологического пантеона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 225-229. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.131

Дата поступления рукописи: 24.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.1>

В статье рассматривается место мифологического персонажа Инмар в творчестве современных удмуртских поэтов, олицетворяющих этнофутуристическое течение. Устанавливаются основные смысловые контексты художественной актуализации символа, определяется степень его семантической сопряженности с традиционной культурой удмуртского народа, христианским мировоззрением. Выявляется, что образ Инмара, отличающийся высокой частотой стихотворного употребления, сопряжен с коллективным освоением новой постсоветской конфессиональной действительности, привлекается в контексте концептуального поэтического осмысления, описания эпохи 1990-х, фигурирует как компонент эмотивного высказывания лирического субъекта. Инмар нередко в структуре произведения взаимодействует с другими ключевыми субъектами удмуртского мифологического пантеона.

Ключевые слова и фразы: удмуртская поэзия; мифологический персонаж; этнофутуризм; традиционная культура; христианство; образная система.

Арзамазов Алексей Андреевич, д. филол. н.

*Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск
arzami@rambler.ru*

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ ИНМАР В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПОЭЗИИ

Одно из актуальных, продуктивных направлений исследования удмуртской литературы (и шире – других финно-угорских, «малых» литературных традиций) – выявление и интерпретация многомерного мифологического кластера, текстовые объемы и семантическая амбивалентность которого обусловлены прежде всего стадийно-типологической природой национальной словесности, имеющей внутренние и внешние маркеры генетической сопряженности с образно-символическим универсумом традиционной культуры. Научная проблема поиска и анализа мифологических корней, пластов в ситуации комплексного рассмотрения развития миноритарной литературы уже изначально обладает высокой актуальностью, и более того – она должна быть обязательной, программной аналитической стратегией, неизбежным выбором ученого. Мифологические представления, фольклорная образность – своеобразная этнокультурная первооснова, на базе которой интенсивно формируется авторская художественная идентичность. Примечательно, что современные удмуртские литературоведы, работая с произведениями разных исторических периодов, течений, жанров, обычно избегают актуализации блока научных вопросов, связанных с фольклорно-мифологическим началом художественного целого. На сегодняшний день степень изученности, проявленности мифологического среза, мифофольклорных парадигм удмуртской литературы исчерпывается отдельными работами, как правило, затрагивающими творчество одного автора [1-3; 5; 9; 10; 16]. Незавершенность данной фундаментальной темы объясняется в том числе ее теоретической сложностью, некоторой размытостью понятийно-категориального аппарата, сложившегося (или еще складывающегося?) для трактовок, описания мифа в системе мировоззрения, культуры. Обращение к мифологическим стратам имеет большое значение и в контексте обоснования закономерностей становления удмуртской литературы, с точки зрения определения качества и оригинальности художественного осмысления национальной мифологии удмуртскими писателями. В глобальном смысле речь может идти об установлении особенностей авторского «переживания» мифологических матриц бытия в типологически родственных и неродственных литературах, о выстраивании научно аргументированных компаративных сопоставлений, параллелей общего.

Осознавая масштабность аналитической проблемы рассмотрения мифологического плана удмуртской литературы, в настоящей статье мы остановились только на одном волнующем нас аспекте – функционально-семантическом поле основного персонажа удмуртской мифологии (*Инмар*) в национальной поэзии рубежа XX-XXI столетий. Наш выбор среди прочего продиктован и относительной простотой атрибуции объекта исследования, очерченностью художественной зоны поиска. Мифологические персонажи в структуре поэтических текстов почти всегда на виду, их внутритекстовое положение обычно «осложнено» авторской точкой зрения. В орбиту нашего исследования попали преимущественно этнофутуристические стихотворения П. Захарова, В. Шибанова, Л. Ореховой, отличающиеся высокой концентрацией мифологической символики.

Очевидно, что первым в иерархической системе и одним из самых неоднозначных с точки зрения художественной концептуализации символов является *Инмар* / Господь. Характеризуя его местоположение в удмуртской культуре, национальной когнитивной сфере, фольклористы Т. Г. Владыкина и Г. А. Глухова заключают: «Ин(ь)мар – один из триады верховных божеств, ведающий поднебесной сферой... Под влиянием христианства стал восприниматься как Иисус Христос или Бог Отец» [4, с. 69].

Мифологический персонаж, образ *Инмар* в поэзии Петра Захарова имеет высокие индексы употребления, большую количественную востребованность. Однако рассматриваемый символ далеко не всегда характеризуется всесторонней вписанностью в лирический сюжет, самостоятельностью художественной функции. Анализ большого корпуса текстов показал, что смысловая нагруженность *Инмара* в структуре стихотворений П. Захарова редко мотивирована мифологическими представлениями удмуртского этноса. В дебютном, наиболее объемном сборнике стихов «Вож выж» («Зеленый мост») [6] символ *Инмара* привлекается свыше 30 раз, что говорит о большой потенциальной операциональности данного понятия в конкретном идиостиле. Вместе с тем преобладающий сценарий, подчеркивающий реальную поэтическую роль *Инмара* в авторском тексте, грани его бытования, – минимальная, периферийная связанность со смысловым центром произведения. Упоминание *Инмара* в ряде текстов П. Захарова нередко – часть высказывания лирического субъекта, компонента речи, выражающая некую совокупность социально обусловленных ощущений, лексический отголосок сложного психологического состояния, задумчиво-мечтательной погруженности в себя: «*Инмар понна уд сётэ-а мыным?*» [Там же, с. 142] («Ради Бога, не подадите ли мне?»); «*Ох, Инмаре, – куре Исай, – / Тыныд мон ваньзэ сётысал, / Пужьюссэ солэз ке чупасал...*» [Там же, с. 219] («О Господи, – просит Исай, / Тебе я бы всё отдал, / Если бы веснушки ее поцеловал...»); «*Ох, Инмаре, кыче мözмыт...*» [Там же, с. 250] («О Господи, как тоскливо...»); «*Пеймыт мыным, тон усъты вал öстэ, / Коть югды вал тон, остэ Инмаре...*» [Там же, с. 229] («Темно мне, открыл бы ты дверь, / Хотя бы озарил светом, остэ Инмаре...») (здесь и далее перевод автора статьи. – А. А.). Фиксируемая частотность употребления имени *Инмар*, по всей вероятности, объясняется и подсознательными компенсаторными факторами – о Боге, тем более, имеющем очевидные языческо-мифологические очертания, в советские времена упоминать было нельзя, не говоря уже о творчески осознанном реагировании. После перестройки, в 1990-е годы это важное слово удмуртской духовной культуры стало не просто регулярным в литературном, публицистическом национальных дискурсах, а одной из доминант повседневной коммуникации, разговорной речи, зачастую не обремененной какой-либо значимой духовно-мыслительной семантикой и прагматикой.

Слово *Инмар* в творчестве П. Захарова может быть семантически «встроено» в художественно значимый контекст, когда автор прописывает свои истины, отстаивает свои экзистенциальные позиции, стремится противопоставить себя другому. В стихотворении «Кабакын тодматскон» («Знакомство в кабаке») лирическое «Я» заявляет, что поэзия для него – *Инмар*, Бог, тем самым он указывает собеседнику на свой избранный статус. При этом следует принижение лирического «Ты»: «*Мон понна поэзия Инмар, / Тон понна уг тодйськы мон мар...*» [Там же, с. 147] («Для меня поэзия Инмар (Бог), / Для тебя не знаю что я...»). В стихотворении отражена излюбленная сентенция П. Захарова о том, что поэзия – квинтэссенция культуры, искусства, литературы, а поэт имеет особые отношения с Богом. Ему самому позволено быть демиургом, он создает собственную вселенную художественного слова. Лирический субъект сравнивает себя с *Инмаром* в стихотворении «Тöды кагаз» («Белая бумага»). Речь вновь идет о божественном начале творения, творчества: «*Мынам аязм тöды-тöды кагаз, / Огпол но кутымтэ но исамтэ на со. / Инмар кадь пукисько солэн аяз, / Нош со учке. Вите... / Дунне тусо...*» [Там же, с. 134] («Передо мной белая-пребелая бумага, / Ни разу не брали, не трогали ее. / Как Инмар, сижу перед ней. / А она смотрит... Ждет... / Она с обликом мира...»).

Имя *Инмар* в книге П. Захарова «Вож выж» контекстуально может быть сопряжено с художественно обыгрываемой социальной проблематикой. Основной массив стихотворений, вошедших в упомянутый сборник, написан в 1990-е годы, пронизан драматизмом переживания нового времени, вживания в новые правила социальных игр. В произведении «Нунал пöрат» («Каждый день») постсоветская эпоха ассоциируется с осознанием неизбежности расплаты за социалистические обманы, иллюзии: в девяностые народ приносит себя в жертву *Инмару*, льется народная кровь (мотив проливаемой народом крови представлен и в поэзии Михаила Федотова, лирический герой которого также в страдательном ключе воспринимает новую эпоху).

Один из часто встречающихся сюжетов в стихотворениях П. Захарова – спор с самим собой относительно реальности существования Бога. Постулируемые сомнения нередко отмечены панибратской интонацией обращения к всевышнему: «*Вань-а тон, öвöл-а тон, Инмар? / Вань ке, басьты, тани со лулы...*» [Там же, с. 48] («Есть ли ты, нет ли тебя, Господь, / Если есть, возьми, вот она моя душа...»); «*– Вань-а тон, Инмаре? – мон шуо. / – Вань-а тон? – мон шуо, Инмаре. / – Вань тон, вань тон! – ачим ик шуо. / – Вань тон, вань тон! – шуо Инмаре...*» [Там же, с. 221] («– Есть ли ты, Господь, – я скажу. / – Есть ли ты? – я скажу, Господь. / – Есть ты, есть ты! – сам же скажу. / – Есть ты, есть ты! – скажу, Господи...»).

Подобные риторические комбинации, когнитивные реакции, по-видимому, являются проекцией «открытого» сознания постсоветского этнофора-удмурта, существующего в режиме разновекторного мировосприятия, стоящего на перекрестке атеизма, православия и традиционных верований. На это сложное внутреннее состояние самоопределения накладывается и понимание своей неготовности к новым жестким реалиям рубежа столетий. В саркастическом ключе привыкания к внезапно случившимся обстоятельствам *Инмар* упоминается в стихотворении «Шуиско, ура, ура, ура!» («Говорю “ура, ура, ура!”») [Там же, с. 88]. Лирическое «Я» «благодарит» Господа за жизнь в эпоху перемен.

В стихотворении «Уйсыос» («Филины») *Инмар* призывается в свидетели любовно-эротического взаимопознания деревенских юноши и девушки, единение которых расценивается лирическим «Я» и как важнейшее жизненное событие, приоткрытие мира, и как еще одна – новая – грань греха: «Эх, кыче бусасько та уйёс! / Мед адзоз ни, адзоз ке *Инмар*. / Мед луоз ни, луоз ке котьмар... / Ми гинэ шат сыче съблыкьёс...» [Там же, с. 45] («Эх, как туманятся эти ночи! / Пусть увидит уже, если увидит *Инмар*, / Пусть уже будет, если будет, хоть что-нибудь... / Только мы разве такие грешные»). Произведение «Адзыли вал, синьёсид тынад» («Я видел, глаза твои...») композиционно представляет собой монолог лирического субъекта-мужчины, уговаривающего влюбленную в него девушку скорее забыть, стереть его из памяти сердца, не просить о нем *Инмара*: «Огшоры мон улычаысь шпана – / Вамышлы быдэ вузаськисько. / *Инмарез эн куры мон понна, / Тон соку ачид съблыкаськод*» [Там же, с. 99] («Обычный я уличный шпана – / На каждом шагу продаюсь. / *Инмара* не проси за меня, / Ты тогда сама грешись»). Вновь *Инмар* сюжетно явлен в контексте возможности греха, грехопадения.

В любовно-игровом стихотворении «Зольгыри со зольгыри» («Воробей он, воробей») [Там же, с. 102] настроение, состояние возлюбленной выражаются флористическими, орнитоморфными символами. В рамках такого авторского ассоциирования сосна называется холодным *Инмаром*. По-видимому, эта параллель подчеркивает недоступность, холодную отстраненность избранницы. В книге «Вож выж» один раз фиксируется словосочетание «*Инмар юрттэ*» («*Инмар* помогает»). При этом помощь бога преподносится как явление из жизни других / чужих: «*Ярам ини, Инмар, шуо, юрттэ*» [Там же, с. 76] («Ладно хоть, *Инмар*, говорят, помогает»).

Инмар – одна из ипостасей телесности лирического «Я»: «*Нош мугоры, бен, мугоры, / Напчем омыр со огшоры... / Ачиз инмар, ачиз ишан, / Ачиз кётжож, ачиз вешан – / Пёяськонэн суро зэмлык, / Кудйз уг сёты буйганлык...*» [Там же, с. 81-82] («А тело мое, да, мое тело, / Загустевший воздух просто оно... / Оно сам *инмар*, оно сам *ишан*, / Оно сама тоска, оно – сама ласка – / С обманом смешанная правда, / Которая не дает покоя...»).

Во втором поэтическом сборнике Петра Захарова «Карас» [7] словообраз *Инмар*, несмотря на общую мифологическую направленность большинства стихотворений, представлен фрагментарно, слабо связан с традиционной культурой удмуртов. Следует заметить, что сборник «Карас» представляет собой любопытный лингвохудожественный эксперимент – удмуртские стихи сопровождаются русскоязычными подстрочниками, часто не отличающимися точностью исполненности. Отдельные тексты сборника в смысловом плане выглядят затемненными, сложными для быстрого понимания, интерпретации. К этому разряду стихотворений относится произведение «Кытын өвёл куара» («Где нет голоса») [Там же, с. 18-19]. Привлечение образа *Инмара* здесь слабо мотивировано, отражает общую художественную непроясненность авторского замысла. Вероятно, *Инмар* актуализируется в связи с получающей в книге «Карас» развитие метатемой несовершенства человеческой жизни, через которую красной нитью проходят потери, утраты, разочарования.

Интересным в плане реконструкции художественной семантики образа *Инмара* является стихотворение «Куке сизё жёккышетлэсь сюрес» («Когда тебе желают “скатертью дорога”») [Там же, с. 24-25]. Текст знаменателен еще и ошибками русского подстрочника: «*Когда нас шлют по скатерчной дорожке, припомнив, что наш зад красивше переда*». Кажется, что произошел языковой сбой – конструируя русскоязычную версию, поэт как будто забывает об элементарных правилах словоупотребления, нарушает законы русской грамматики, фонетически существенно искажает лексемы.

Такое внезапное бессилие перед русским языком, по-видимому, связано с авторской актуализацией в первых строках стихотворения удмуртской фразеологической конструкции. Первоначально-исконный смысл используемого фразеологизма (требование уйти, убраться) семантически осложняется глубинными мировоззренческими противостояниями. Художественно-смысловая «борьба» удмуртского с русским коррелирует с сюжетно улавливаемой противопоставленностью христианско-православного Бога и удмуртского языческого *Инмара*. «Затемненное» стихотворение, избоблюющее переключениями авторских мыслей, продолжает важную и продуктивную для П. Захарова тему взаимодействия / взаимоотталкивания удмуртской и русской культур, акцентирует сложность события в сознании этнофора априорных мифологических установок и христианской картины мира. В рассматриваемом произведении ощутима мультипликативная действительность мировосприятия удмуртского индивидуума, «фразеология» традиционных верований «смыкается» со стремлением авторского «Я» к христианско-философским обобщениям, заключениям, обозначением греховности человека и неминуемости наказания.

Еще один вариант поэтико-мифологического смешения представлен в шестом стихотворении цикла «Удмурт тунолэн кырзаньёсыз» («Песни удмуртского туно») [Там же, с. 42-43]. Удмуртские боги *Инмар* и *Куазь*, дающие лирическому герою тайные знания, сюжетно, контекстуально связаны с шумерско-аккадским Мардуком. Петр Захаров в своих произведениях нередко сводит генетически разнородных мифологических персонажей, субъектов культуры, тем самым интуитивно подчеркивая древность, нострагическую природу, цивилизационную «конкурентоспособность» удмуртского традиционного мировоззрения, фольклора, художественную открытость литературы.

Инмар фигурирует в утопическо-урбанистическом стихотворении «Узы-боры кисьма вал городын...» («Клубника созрела в городе...»). Пространство города захвачено насекомыми, червями, занятыми абсурдно-бесполезными с точки зрения человеческой прагматики делами. По-видимому, обратившись к такому карикатурному сопоставлению, поэт пародирует жизнеобыкновения современных ижевчан. *Инмар* в стихотворении оказывается пассажиром трамвая, маршрут которого – небо, ночь, тот свет, символически нареченный Уругваем: «*Куарьёс улысь така-бака събрысь / Потйз зор-напалы укиась трамвай. / Инбам ултй гылзиз со кырзаса, / Со ярдуре, кытын вал Уругвай. / Нош трамвайын пиштйсь кылбурьёсын / Мынйз*

Инмар, удмурт кадь, куное. / Кизилиос мында ик тыльёсын / Салам нуиз со кыдёкысь уе...» [Там же, с. 124-125] («Из-под листьев, из-за ракушки / Вышел на божью коровку похожий трамвай, / И скользнул он с песней под синее небо, / В те берега, где снился Уругвай. / А в трамвае стихами светящимися / Ехал Инмар, как дух удмурта, в гости. / Бесчисленными, как в небе, огоньками / Он вез подарки в далекие ночи...»). Неслучайно и то, что *Инмар* в стихотворении ассоциируется с поэзией, стихами. Для П. Захарова поэзия «эквивалентна» Богу, жизни, любви, ее природа – магическая, «заклинательная», сакральная.

В третьем поэтическом сборнике Петра Захарова «Кырмуш» («Дикая пчела») [8] *Инмар* не характеризуется ни частотой употребления, ни художественной знаковостью. Содержание этой книги говорит о том, что поэзия Захарова меняет вектор развития в сторону более глубокого раскрытия социальной проблематики, освещения недавнего исторического прошлого удмуртов. Мифологическая символика на этом «поэтическом повороте» оказывается невостребованной.

Инмар – символ пограничной семантики, соединяющей в себе языческие и христианские представления о Боге, – очень редко встречается в стихотворениях Виктора Шибанова, одного из основных идеологов этнофутуристического течения. Поэт на более регулярной основе обращается к мифологическим персонажам «второго ряда», обычно не корреспондирующим с христианско-православными контекстами. В дебютной книге В. Шибанова «Вьль ужьёсы өте» («От дела к делу») [13] в силу внешних и внутренних соцреалистических ограничений мифологические персонажи отсутствуют. В сборнике «Бертйсько уйшоре» («Возвращаюсь в полночь») [12] уже представлена целая галерея мифологических субъектов, среди которых не находится место *Инмару*. *Инмар* появляется в нескольких текстах книги В. Шибанова «Ос» («Дверь») [14], однако его художественное функционирование в целом сведено к минимуму. В шестом и седьмом стихотворениях цикла «Йёл кысьтйськем» («Молоко пролилось») [Там же, с. 34] *Инмар* выступает в едином смысловом контексте с другим мифологическим персонажем *Кереметом*, олицетворяющим злое начало мироздания. При этом авторское внимание в большей степени сосредоточено на отрицательном персонаже, с которым лирическое «Я» вступает в диалог. Оппозиция *Инмара* и *Керемета* автором воспринимается как неопровержимая экзистенциальная данность, как некая аксиологическая неизбежность. Взаимообращенность *Инмара* и *Керемета* оказывается знаковой – отвергнутый *Инмаром* не может находиться под покровительством *Керемета*.

В стихотворении «Тон монэ сайкатид, инмаре, бер уйин» («Ты меня разбудил, мой Инмар, глубокой ночью») [Там же, с. 47] *Инмар* упоминается единожды, в первой строчке. Он якобы вынуждает проснуться лирического героя, погружает его в пессимистическую ночную рефлексии по поводу несовершенства бытия, неустроенности жизни в начале 1990-х. *Инмар* не получает возможной сюжетной детализации, художественного углубления.

В творчестве Ларисы Ореховой, вопреки исследовательским ожиданиям, *Инмар* не является художественно репрезентативным персонажем. Мифопоэтическое измерение Л. Ореховой, отраженное в книге «Ярдуртэм нюлэс» («Безбрежный лес») [11], имеет синтетический характер. Мировая мифология здесь взаимодействует с удмуртской, и складывающийся синтез нельзя назвать равномерным. В упоминаемом сборнике Л. Ореховой *Инмар* вписан в экзотический для удмуртской природной, историко-культурной реальности ландшафт – он один из путников великих песков пустыни времени [Там же, с. 50-51]. В этом смысле более вероятной представляется не удмуртская, а христианско-иудейская ипостась Бога.

Инмар в стихотворениях Анастасии Шумиловой, которая олицетворяет молодое поколение удмуртских поэтов, занимает очень скромное место. Новая генерация национальных писателей далека как от религиозно-мифологических основ картины мира своего народа, так и от любой религии в целом. Контексты художественного бытования удмуртских мифологических персонажей в творческом дискурсе А. Шумиловой [16] показательны. Так, *Инмар* перестает быть центром мироздания, утрачивает свою сакральную значимость, облачен в маскулинную маску, подчиняется желаниям и действиям феминного лирического «Я», он смертен, обездушен.

Проанализированные примеры художественно-поэтической актуализации мифологического персонажа свидетельствуют о том, что этот символический пласт востребован современными удмуртскими авторами и вместе с тем фиксируется широта диапазона его привлечения. Мифологический персонаж *Инмар* в произведениях поэтов в действительности мало связан с исконными религиозно-мифологическими представлениями удмуртского народа. Поэты оказываются не в состоянии выйти на уровень концептуального творческого понимания традиционной картины мира своего этноса. И возможно ли вновь вернуться к системе почти утраченного мировоззрения? В целом, наблюдается большое художественное желание оперировать «своими» символами, актуализировать, обозначить их хотя бы формально. Примечательно, что более репрезентативные контексты, более серьезные «мифологические аргументы» имеют место в случае с персонажами не первого, а второго ряда.

Рассмотренные мифологические персонажи обретают художественно-авторскую семантику и под неизбежным влиянием христианства, вечных библейских сюжетов. По-видимому, проявляющаяся в современной удмуртской поэзии соотносительность *Инмара* с ситуацией грехопадения, грехом является бесспорным фактом обращенности к христианской этике. Православие постепенно становится духовно-символической реальностью удмуртов, однако речь пока не идет о существенной христианизации удмуртской литературы, ее образных языков. Высокая частотность употребления имени *Инмар* объясняется и внешним разрывом с атеизмом, советской идеологией.

В целом, исследование мифологического уровня удмуртской литературы должно быть продолжено, расширено, рассмотрено с учетом новых теоретических концепций, выведено на уровень стадияльно-типологических универсалий и возможности разносторонних компараций.

Список источников

1. Арзамазов А. А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии (опыт анализа творчества П. М. Захарова). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; Удмуртский университет, 2010. 232 с.
2. Ванюшев В. М. Мифологические сюжеты и образы в удмуртской поэзии // Удмуртская мифология. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 159-170.
3. Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью зэрпала: дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов: в 2-х т. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. Т. 1. 302 с.
4. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. 320 с.
5. Зайцева Т. И. Проза Никвлада Самсонова: мифопоэтическая образность // Современная удмуртская проза (1980-2000-е годы). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С. 25-56.
6. Захаров П. М. Вож выж = [Зеленый мост: стихи, поэмы, переводы]. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2001. 272 с.
7. Захаров П. М. Карас = [Соты: песни удмуртского шамана]. Ижевск: Инвожо, 2010. 144 с.
8. Захаров П. М. Кырмуш = [Дикая пчела: стихи]. Ижевск: Инвожо, 2015. 79 с.
9. Зуева-Измайлова А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. 372 с.
10. Ильина Н. В. Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980-1990-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2006. 21 с.
11. Орехова Л. Ярдуртэм нюлэс = [Безбрежный лес: стихи]. Ижевск: Инвожо, 118 с.
12. Шибанов В. Л. Бергтысько уйшоре: кылбуръёс = [Возвращаюсь в полночь: стихи]. Ижевск: Удмуртия, 1991. 72 с.
13. Шибанов В. Л. Выль ужъёсы отё: кылбуръёс = [От дела к делу: стихи]. Ижевск: Удмуртия, 1982. 28 с.
14. Шибанов В. Л. Ос: кылбуръёс = [Дверь: стихи]. Ижевск: Инвожо, 2003. 56 с.
15. Шкляев А. Г. Литература мифа и мифы о литературе: о некоторых формах взаимоотношений литературы и мифа // Удмуртская мифология. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 171-177.
16. Шумилова А. П. Дыр-эктон: Кылбуръёс, берыктэмъёс. Ижкар: ООО «Союз оригинал», 2015. 84 б.

THE MYTHOLOGICAL CHARACTER *INMAR* IN MODERN UDMURT POETRY

Arzamazov Aleksei Andreevich, Doctor in Philology
Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk
arzami@rambler.ru

The article deals with the place of the mythological character *Inmar* in the works of contemporary Udmurt poets, personifying the ethno-futuristic movement. The basic semantic contexts of the symbol literary actualization are ascertained. The paper determines the degree of its semantic conjugation with the traditional culture of the Udmurt people, Christian worldview. The author reveals that the image of *Inmar* that is characterized by the high frequency of verse use is associated with the collective acquisition of new post-Soviet confessional reality. The image is involved in the context of conceptual poetic comprehension, the description of the era of the 1990s, and appears as a component of the emotive utterance of the lyrical subject. *Inmar* often interacts with other key subjects of the Udmurt mythological pantheon in the structure of the work.

Key words and phrases: Udmurt poetry; mythological character; ethnofuturism; traditional culture; Christianity; imagery system.

УДК 8; 82:82-1/9

Дата поступления рукописи: 19.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.2>

В статье изучена роль интертекстуальности в раскрытии художественной концепции личности в повести «Дела земные» Д. Ермакова. Установлено, что писатель использует разнообразную палитру средств для создания интертекстуальности: цитации, аллюзии, метатекстуальные связи. Эти приемы способствуют расширению и обогащению содержания повести, а также воплощению концепции личности в произведении. Исследование интертекстуальности повести Д. Ермакова включено в широкий литературный контекст. Подчеркивается связь персонажной системы произведения с классической русской словесностью.

Ключевые слова и фразы: Д. Ермаков; интертекстуальность; метатекст; цитации; метатекстуальные связи; концепция личности; цитаты; принцип центона; литературоцентрическая ориентированность; традиции; постмодернизм; актуализация.

Бессмертная Мария Станиславовна

Армавирский государственный педагогический университет
Frolovamasha90@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Д. ЕРМАКОВА «ДЕЛА ЗЕМНЫЕ»

Использование цитат, аллюзий, готовых фрагментов (литературных и историко-культурных) в тексте «составляет часть русской литературной традиции» [7, с. 22]. К этой традиции активно обращается автор повести «Дела земные».